

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ КОРРУПЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

© 2012 г. А. Л. Журавлев*, А. В. Юревич**

**Член-корреспондент РАН, доктор психологических наук, профессор, директор
Федерального государственного бюджетного учреждения науки
Института психологии РАН, Москва*

***Член-корреспондент РАН, доктор психологических наук, заместитель директора,
там же*

Рассматривается коррупция как одна из основных проблем современной России. Показано, что эта проблема имеет ярко выраженные психологические составляющие. Подчеркивается, что психологическая наука и практика должны активно участвовать в ее решении. Выделяются основные направления изучения коррупции в отечественной психологии. Рассматриваются практические возможности психологии в противодействии коррупции, такие как изменение толерантного отношения к ней в нашем обществе, психологический мониторинг законопроектов, тестирование кандидатов на “взяточемкие” должности с помощью специальных психологических методик и др.

Ключевые слова: коррупция, коррупционное поведение, психологическая наука и практика, массовое сознание, формальные и неформальные отношения, псевдолиберальные идеологемы, законы, неюридические меры.

КОРРУПЦИЯ КАК ЭЛЕМЕНТ ОБРАЗА ЖИЗНИ

В мировом рейтинге коррупции Россия сейчас занимает 154 позицию из 178 возможных [18], соседствуя с такими государствами, как Кения, Конго и Папуа – Новая Гвинея. Причем еще в 2000 г. в этом рейтинге она находилась на 82 месте. Негативная динамика наблюдается и по другим параметрам. Объем коррупционных сделок увеличился в нашей стране с 40 млрд. долл. в 2001 г. до 300 млрд. долл. в 2006 г. [3]. Средний размер взятки с конца 1990-х к концу 2000-х гг. возрос в 13 раз, достигнув 130 тыс. долл. По некоторым оценкам, коррупционерами у нас являются 90% чиновников [там же]. Возможно, эта цифра завышена и к тому же зависима от неоднозначности вопросов о том, что считать коррупцией и кого называть чиновниками. Но то, что в среде наших государственных и муниципальных служащих коррупция представляет собой широко распространенное явление, едва ли может вызывать сомнения.

При возрастании масштабов коррупционной деятельности расширяется и ее “объект”. За деньги сейчас продаются не только традиционные услуги чиновников, но и должности, звания, награды, места в представительных органах и многое другое, что продаваться не должно. “Цели

участников коррупционных сделок не ограничиваются материальными траншами, включая в круг притязаний переизбрание на выборах, сохранение должности в административной иерархии, новые деловые возможности”, – отмечает С.П. Глинкина [3, с. 236]. Приводятся расценки на депутатские места в Государственной Думе [12, с. 4], где заседает подозрительно много сверхбогатых людей. Статьи в наших газетах публикуются под такими заголовками, как “Генеральская должность в Москве стоит миллион долларов”, “Коррупционеры украли танковый полк” (см. [3]) и т. п., причем на подобные темы публикуется немало “заказных” статей, которые тоже являются продуктом коррупции (в данном случае – коррумпированности журналистов). Закономерно, что все чаще звучат такие утверждения, как “страна абсолютно и полностью погрязла в коррупции” [2, с. 460], “практически любые контакты власти и бизнеса в современной России строятся на коррупционной основе” [3, с. 444] и др.

Исследователи проблемы подчеркивают, что “Коррупция – многоаспектное, многоуровневое¹,

¹ Одна из основных классификаций ее форм основана на различении бытовой, деловой и политической коррупции, хотя, естественно, можно выделить и другие ее виды. Например, Д. Кауфман выделяет такие, как “скупка государства”, влияние на государство и административная коррупция [см.: 3].

системно организованное социальное явление, интегрирующее в себя экономическую, юридическую, социальную, управленческую, этическую и даже политическую составляющие, что предопределяет необходимость междисциплинарного анализа этого явления” [3, с. 429]. Естественно, в нем присутствует и психологическая составляющая (имея самостоятельное значение, она органически включена также в перечисленные составляющие – социальную, управленческую, этическую и др.), и отечественная психологическая наука просто *обязана* – перед самой собой и перед нашим обществом – включиться в его междисциплинарное изучение, а психологическая практика – в его профилактику и искоренение.

Вместе с тем в нашей стране психология лишь в последнее время присоединяется к сообществу научных дисциплин, изучающих коррупцию². Справедливо отмечается, что “в современной научной литературе отражены результаты исследований природы становления коррупции с позиций экономики, политики и права, психологические же особенности формирования коррумпированного поведения у госслужащих не изучены” [10, с. 188]. Тем не менее, *психология коррупции* как самостоятельная и перспективная (к сожалению!) область психологического исследования у нас формируется. Прорисовываются и ее основные составляющие: 1) психология коррупционеров, 2) психология коррумпирующих, т. е. дающих взятки и т. п., 3) изучение отношения общества к проблеме коррупции и ее конкретным компонентам, 4) исследования социально-психологических процессов, влияющих на коррупцию.

В частности, в психологических исследованиях сотрудников органов внутренних дел, осужденных за коррупцию, выявлено, что они обладают такими качествами, как тенденция общаться с небольшим количеством людей, повышенная осторожность при установлении близких отношений, отсутствие жалости по отношению к жертвам коррупции и др. [10]. При этом выяснилось, что психологический профиль коррупционеров близок к профилю бывших сотрудников правоохранительных структур, осужденных за общеуголовные преступления, а осуществляя свою противоправную коррупционную деятельность, они считают, будто *расплата за нее не наступит никогда* [там же]. Для них характерны такие виды

психологической защиты, как *отрицание и компенсация*, убежденность в том, что жертвы коррупционных преступлений сами часто совершают такие преступления, что якобы оправдывает коррупцию. Именно данное убеждение во многом позволяет коррупционерам не считать свою коррупционную деятельность *преступлением* (“все так делают, кто-то больше, а кто-то меньше”). Необходимо подчеркнуть и то, что в описанных исследованиях была выявлена взаимозависимость коррупции и склонности к агрессии, хотя прямой агрессии в коррупционном поведении, как правило, не проявляется. На этой основе исследователи формулируют предположение о том, что одним из главных факторов склонности к коррупционному поведению является скрытая агрессия [там же]. А это значит, что высокая агрессивность как одна из главных характеристик социально-психологической атмосферы современного российского общества [16] вносит большой вклад в высокий уровень его коррумпированности.

Отчетливо проступают и три важных свойства, проявляемых массовым сознанием в связи с коррупцией, которые имеют непосредственное отношение к нашей массовой психологии. Во-первых, относительно толерантное отношение к этому явлению как к повсеместному (“воруют-с”, “все берут” и т. п.), неискоренимому и неизбежному “минимальному уровню зла”, не заслуживающему серьезного осуждения. Как пишет Ю.Ю. Болдырев, «сама идея нормальности “минимума коррупции» уже выводит это явление из числа смертных грехов и переводит в разряд неабсолютного зла” [2, с. 457]. Во-вторых, выраженное осуждение в массовом сознании вызывают не сами по себе акты коррупции, а лишь запредельные размеры взяток, особенно если они “непропорциональны” должности коррупционеров, например недавний случай, когда рядовой следователь требовал с предпринимателя взятку в три миллиона долл. (если бы взятка имела более скромные размеры, скорее всего, этот случай огласки бы не получил). В-третьих, как и во многих других ситуациях, проявляется система двойных стандартов: “я и мое окружение – другие”. Свое собственное коррупционное поведение, равно как и аналогичное поведение родных и близких, воспринимается как вынужденный ответ на объективные обстоятельства (“не подмажешь – не поедешь” и т. п.), не ассоциируется с коррупцией и не получает негативной эмоциональной оценки, в то время как аналогичное поведение других лиц рассматривается как коррупционное и выражающее их негативные личностные качества. Подобная “асимметрия восприятия” органично вписывает-

² В зарубежной психологии исследования коррупции более продвинуты и преимущественно сосредоточены на влиянии психологических измерений макрокультуры, предложенных Г. Триандисом, Э. Холлом, Г. Хофстедом, С. Шварцем и др., на коррупцию.

ся в закономерности атрибуции ответственности, хорошо известные в социальной психологии [1 и др.].

Достаточно очевидно проявляется и социально-психологическая особенность нашей культуры, создающая благоприятную среду для коррупции. Она состоит в *приоритете неформальных социальных отношений над формальными*, “неуставных” над “уставными”, характерном для современной России и других обществ, не изживших элементы патриархальности. Как отмечает С.П. Глинкина, “характерной чертой организации современного российского общества, в частности власти и бизнеса, является формирование неформальных сетей, которые структурируются на различных системах ролевых ожиданий (семейных, дружеских, этнических, клановых, религиозных, корпоративных). Неформальные сети имеют множество целей и включают различные виды деятельности. Они строятся на принципах взаимопомощи и солидарности, создают свои системы правил, соблюдение которых является приоритетным по отношению к нормам государства” [3, с. 223]. В результате такая форма коррупции, как обмен ненормативных услуг на деньги, дополняется такими ее видами, как обмен услуг на услуги, услуг на приобретение более высокого статуса в различных социальных структурах, и многие другие³. “Взятка, – пишет В. Радаев, – это всего лишь примитивная начальная форма отношений, которая опосредует короткие (разовые) взаимодействия и характерна преимущественно для чиновника мелкой и средней руки, а также для представителей малого бизнеса. Элементарная взятка перерастает в систему обмена услугами, которые уже не принимают денежную форму и даже не сводятся к личным подаркам-подношениям” [9, с. 162]. Вместе с тем подобные виды коррупции, в отличие от ее денежных форм, вообще не предусмотрены законодательством, что создает для них практически неограниченное пространство.

Клановость, кумовщина, “банановый”⁴ механизм приближения к власти, характерные для на-

шей культуры, не преследуются законом, однако создают массовую коррупционную среду, в которую денежные формы коррупции вписываются очень органично. Симптоматично, что жены высоких чиновников часто оказываются “успешными предпринимателями”, зарабатывающими в десятки раз больше своих мужей. А сами чиновники, оставляющие свои высокие посты, как правило, уходят в коммерческие структуры, где активно используют свои прежние связи, что создает крайне благоприятную среду для коррупционных отношений, хотя и не проявляющихся в открытой денежной форме. Справедливо отмечается, что “не работает у нас и норма о конфликте интересов: когда личные чаяния должностного лица вступают в противоречие с его служебными интересами” [12, с. 4] – в отличие от западных стран, где чиновник обязан незамедлительно сообщать о подобных конфликтах. Для нашей культуры характерны и такие выражения, как “искать выход на ...” (далее указывается имя большого начальника), и широкая распространенность соответствующих моделей поведения, например, то, что многие наши сограждане, попав в какую-либо неприятную ситуацию, например, в ДТП в качестве их виновников, тут же начинают звонить не в ГАИ и не в службу скорой помощи для пострадавших, а своим друзьям и знакомым, дабы их выручили, “отмазали” и т. п. Как пишет Б. Дубин, «реформаторы постсоветских лет воспитали лукавого гражданина: не доверяющего власти, но полностью от неё зависящего, готового взаимодействовать с государством только через “черный ход” беззакония» [5, с. 19]. Привычка добиваться чего-либо “по знакомству”, “по блату” и т. п. органически внедрена в наш менталитет и, крайне актуальная во времена всеобщего дефицита, сохранилась и поныне, будучи теперь обращенной не на товары народного потребления, а на другие цели.

Надстраивание коррупции над системой неформальных, “неуставных” отношений, обладающих в нашем обществе приоритетом над отношениями формальными и “уставными”, способствует формированию определенной структуры коррупции, придавая ей *организованный характер*: «“Коррупционер-одиночка” в современной России – вымирающий вид. Ему на смену пришли неформальные структуры – коррупционные сети. Происходит процесс “корпоративизации коррупции”» [3, с. 443]. В этих “сетях” отчетливо выражены как горизонтальное, так и вертикальное измерения. Первое – когда, например, “трясти палаточников” приходят двое полицейских, и невозможно представить, чтобы один из них брал с

³ Следует подчеркнуть, что “в слове коррупция (от лат. *corruptum* – портить) определяется как использование должностным лицом своих властных полномочий и доверенных ему прав в целях личной выгоды, противоречащее установленным правилам” [10, с. 191]. В международных документах, определяющих коррупцию, взятки в денежной форме тоже не упоминаются.

⁴ Появление этого термина связано с тем, что в т.н. “банановых” республиках вся родня президентов, как правило, тоже состоит во власти. В нашей стране, конечно, не так, точнее, не совсем так, но важнейшую роль играет то, кто с кем учился, кто на ком женился, кто с кем тренировался и т.д.

них “дань”, не делясь ею с другим. Второе – это построение коррупционных структур в виде “коррупционных вертикалей”, в рамках которых низшие чины непременно делятся с вышестоящими, те – со своим начальством и т.д. И то, и другое порождает коррупционную “трясину”, в условиях которой практически невозможно остаться некоррупцированным, а если такой человек появляется – от него стремятся избавиться, коррупционеры “своих не сдают” и горой стоят друг за друга, что-либо изменить в соответствующих организациях можно только извне и лишь при личном участии высокого начальства. Все это не только придает коррупцированным организациям характер “боевых единиц” и делает их очень устойчивыми, но и порождает хорошо известный в психологии и за ее пределами феномен дистрибуции вины и ответственности. В частности, «субъективное восприятие риска снижается, если чиновник делится взяткой с начальством, продавец отдает часть “отката” руководителю фирмы и т.д. И чем многочисленнее сеть участников коррупционной сделки, тем чувство вины меньше, как, впрочем, и риск испортить репутацию в случае разоблачения» [3, с. 443].

Следует отметить и то, что в нашей культуре весьма размыты границы между собственно взяткой и тем, что рассматривается как благодарность. При этом еще с советских времен принято считать, что некоторые виды услуг предполагают благодарность, причем не в устной, а в товарно-денежной форме, в качестве само собой разумеющейся – несмотря на то, что оказывающие такие услуги должны это делать в силу своего служебного положения. Так, считается просто неприличным прийти, например, к врачу и не подарить ему коробку конфет (или горячительный напиток, если врач мужского пола). Подобные поступки воспринимаются у нас не как коррупционные, а как выражающие лишь естественную человеческую благодарность, тем более что их адресат ничего не требует взамен своих услуг. Однако подобные формы поведения встречают полное непонимание в других культурах. Например, наши эмигранты на Брайтон-Бич ставят в полное недоумение американских полицейских, пытаясь им заплатить за то, что они выполняют свою работу. А добрые финские транспортные полицейские превращаются в свою противоположность, когда наши водители пытаются вознаградить их доброту денежной купюрой.

В общем, можно сделать очень неутешительный вывод о том, что коррупция в России, особенно в современной, “это больше, чем коррупция”, даже

при самом широком толковании последней, характерном для международных программ борьбы с нею. Коррупция – это важный элемент *нашего образа жизни*, что признают и некоторые высокопоставленные чиновники [4], и показательно, что, согласно данным различных опросов, сейчас практически невозможно найти россиянина, который если не брал бы, то, по крайней мере, время от времени не давал бы взятки в той или иной форме.

ПРЕПЯТСТВИЯ В БОРЬБЕ С КОРРУПЦИЕЙ

Коррупцированность в современной России значительной части чиновников, в т.ч. и тех, которые в силу своего служебного положения обязаны бороться с коррупцией, создает своеобразную подоплеку этой “борьбы”, придавая ей вид, который вписывается в известное высказывание М. Жванецкого: “Это – не борьба и это – не результат”, а также в схему “пчелы против меда”. В результате часто отмечается, что “призывы к борьбе с коррупцией мы слышим, можно сказать, из самых центров этой самой коррупции” [2, с. 458], “власть, приход в которую связан с коррупционными схемами, едва ли будет серьезно бороться сама с собой” [3, с. 450] и т.п. Естественно, необходимо проводить грань между властью в узком и широком смысле слова – высшую государственную власть и нашу властвующую элиту в целом. Однако при не вызывающей сомнений искренности намерений высшей государственной власти радикально уменьшить масштабы коррупции удивляет процедура назначения чиновников высокого уровня, в результате которой если два высших руководителя нашего государства вызывают доверие у основной части населения, то их ближайшее окружение – уже нет, и почти у каждого его представителя существуют большие шансы “утратить доверие”. Звучат утверждения и о том, что подобное формирование окружения высшей власти сложилось исторически. Еще в 1910 г. в статье с характерным названием “Русское взяточничество как социально-историческое явление” П. Берлин писал: “Стремясь привязать к себе чиновничество крепкими узами ... правительство сквозь пальцы смотрело на обогащение с помощью взяток и обмана казны. Оно знало, что если чиновники-взяточники и обманывают, и разоряют казну, то, с другой стороны, в политическом отношении они всегда являются наиболее удобным элементом” (цит. по: [3, с. 450]). С тех пор мало что изменилось, а если изменилось, то не в лучшую сторону. Так, С.П. Глинкина подчерки-

вает тот хорошо заметный факт, что “в последнее время стали возбуждаться уголовные дела по фактам коррупции в отношении крупных должностных лиц, однако возбуждаются они чаще всего по команде, лишь после того, как эти лица становятся неугодными для власти” [там же, с. 450].

Одним из главных препятствий в борьбе с коррупцией служит также позиция отечественных неолибералов⁵, в основе которой лежат две очень сомнительные системы идей. Во-первых, разработанная в зарубежной науке теория коррупции как статусной ренты, приписывающая ей позитивное влияние на экономику посредством преодоления несоразмерностей бюрократической системы, и т.п. Согласно этой теории, развиваемой Г. Беккером, Р. Вишни, П. Маури, В. Танци и др., участники коррупционных отношений пытаются найти оптимальный способ реализации своих интересов в условиях ограниченности ресурсов, а коррупция в целом представляет собой рациональный способ оптимизации издержек хозяйственной деятельности⁶. Отдается должное и тому, что коррупция служит механизмом “компенсаторного” вознаграждения госслужащим за их недостаточно оплачиваемый труд. Во-вторых, собственная, активно распространявшаяся в начале 1990-х гг. идея наших неолибералов о том, что первоначальный капитал неизбежно аморален и связан с криминалом, но в дальнейшем, отделенный от своих первоначальных корней, играет в экономике позитивную роль.

В результате эта категория идеологов, придя к власти в нашей стране в 1990-е годы, отметилась и весьма либеральным отношением к коррупции, что выразилось и в их действиях, и в высказываниях. Так, например, А. Лившиц, отвечая на вопрос одной из московских газет, откровенно заявил, что активная борьба с коррупцией и организованной преступностью может подорвать экономические реформы [3, с. 446]. Естественно, подобные утверждения вытекали не только из концептуальных позиций, но и из личных интересов их авторов, придавая легитимную форму их действиям, в частности, перераспределению общественной собственности в этих интересах, которое не успевшему сориентироваться в происходящем населению выдавалось за создание основ рыночной экономики.

Сыграли свою роль и псевдолиберальные идеологемы более общего характера, активно навязывавшиеся нашему обществу в начале 1990-х и сохранившие свою влияние до сих пор: “Свобода – это полное отсутствие запретов и ограничений”, “запреты не эффективны”, “репрессивные меры себя полностью исчерпали”, “человек стоит столько, сколько он зарабатывает”, “главное – деньги, и неважно, как они заработаны” и т.п. Подчеркнем, что подобные идеологемы внедрялись в т.ч. и с помощью СМИ, особенно телевидения, при полном отсутствии попыток их хоть как-то обосновать и доказать, а их абсурдность с лихвой компенсировалась соответствием самым низменным устремлениям криминализированных и люмпенизированных слоев населения. Так, например, идеологемы типа “запреты неэффективны” противоречат и безызвестным Десяти заповедям, и всей истории человечества. Однако это не мешает нашим неолибералам регулярно и настойчиво отстаивать подобные нелепости.

Трудно не уловить прямую связь между обозначенными идеологемами и предельной либерализацией нашего законодательства в отношении коррупции, в частности, отмене статьи УК РФ о конфискации имущества коррупционеров и их родственников, что противоречит и практике западных стран, и международным протоколам, подписанным Россией. Да и в целом наказания наиболее “выдающихся” коррупционеров в современной России выглядят довольно-таки анекдотически. Они получают небольшие сроки тюремного заключения⁷, а то и вообще отделываются

⁵ Их часто называют и *псевдолибералами* ввиду их большого отличия от истинных либералов. Как пишет С.В. Кортунов, “либерализм – это не Чубайс, Бурбулис, Авен, Явлинский, Хакамада и Гайдар. И уж совсем не Горбачев и Ельцин. Либерализм – это Ф. Вольтер и Д. Дидро, Ш. Монтескье, П.А. Гольбах и Б. Франклин, Дж. Гоббс и Дж. Локк, Ж.-Ж. Руссо и М. Вебер, Т. Грин и Ф. Рузвельт” [7, с. 193–194]. А основатели российского либерализма – Б.Н. Чичерин, М.М. Сперанский, П.Н. Милюков – были бы сильно удивлены, если бы узнали, кого принято называть либералами в современной России.

⁶ Данная позиция не совсем безосновательна, однако ее универсализация делает ее абсурдной. Так, например, исследования, проведенные Всемирным банком, показали, что коррупция, помимо ее прочих негативных социальных и экономических эффектов, не столько преодолевает бюрократию, сколько содействует появлению новых и притом бессмысленных бюрократических правил, применение которых отдается на усмотрение чиновников, что порождает новый виток коррупции [3]. Кому из нас не знакома ситуация, когда мы ощущаем свое бессилие перед заведомо неисполнимыми правилами, введенными в некоей государственной структуре, и, дабы их преодолеть, обращаемся в юридическую фирму, расположенную напротив этой структуры и возглавляемую близким родственником ее руководителя? Это – классический пример ситуации, когда создаются такие правила, которые гражданин не может соблюсти самостоятельно, кому-либо не заплатив.

⁷ Вообще же по ст. 290 УК РФ “Получение взятки” максимальное наказание – лишение свободы на срок от семи до двенадцати лет, по ст. 291 “Дача взятки” – до восьми лет, по ст. 292 “Служебный подлог” – до двух лет.

условными наказаниями, выходят на свободу намного раньше – за участие в тюремной самодеятельности и другие формы образцового поведения в местах лишения свободы, а освободившись, пользуются многочисленными объектами недвижимости, записанными на их родственников. Для сравнения, в Китае с 2000 г. за коррупцию были расстреляны 10 тыс. чиновников и около 120 тыс. были осуждены на сроки от 10 до 20 лет [11, с. 18]. Зато наша правоохранительная система с лихвой отыгрывается на врачах, учителях и представителях других беззащитных групп населения, обильные наказания которых призваны создать иллюзию активной борьбы с коррупцией.

Как ни парадоксально, при том факте, что наказания для особо отличившихся коррупционеров, как показывают опросы, расцениваются основной частью населения как явно непропорциональные тяжести совершенных ими преступлений, сейчас происходит дальнейшая либерализация соответствующей части законодательства. В частности, теперь будет запрещено брать их под стражу до вынесения обвинительного решения судом, что, как нетрудно догадаться, даст им возможность неспешно скрыться за рубежом (их деньги, виллы, семьи и т.д. уже там, т.е. запасная “посадочная площадка” полностью подготовлена), не дожидаясь этого решения. И трудно отделаться от ощущения, что подобные нелепые изменения законодательства принимаются не по недомыслию, а под влиянием интересов самих коррупционеров, воздействие которых на разрабатывающих и принимающих подобные законы тоже представляет собой не что иное, как один из худших видов коррупции, хотя и проявляющийся в более “совершенных” формах, нежели взятки деньгами. Если не прямая, то, по крайней мере, косвенная коррупционная составляющая существует и в случае идеологического оправдания подобных решений неолибералами, выстраивающими идеологию, не просто удобную для коррупционеров, а словно бы созданную под их заказ. В частности, ими активно муссируется идея о том, что строгость наказания не влияет на количество преступлений, производная от описанных выше псевдолиберальных идеологем: “запреты неэффективны”, “репрессивные меры себя исчерпали” и т. п. При полной нелепости этой логики, по существу означающей, что наказания не влияют на поведение (интересно, что на это ответили бы бихевиористы), и ее полном противоречии реальности, она очень характерна для наших псевдолибералов, сохранивших главный модус советского идеологического мышления, которое можно назвать *неонтологическим*: главное – идеологическая комфортность

утверждений, а их соответствие/несоответствие реальности значения не имеет⁸.

Если добавить к сказанному, что неолибералы, в начале 1990-х обосновавшиеся во многих наших министерствах и ведомствах, до сих пор сохраняют там позиции, способствуя назначению на ключевые должности себе подобных и не подпуская к ним идейных противников, то становится ясным, что коррупционная вертикаль самого высокого уровня получает завершение, создавая одно из главных препятствий борьбе с коррупцией.

ВОЗМОЖНОСТИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ И ПРАКТИКИ В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ КОРРУПЦИИ

Естественно, существует множество предлагаемых мер противодействия коррупции в современной России, причем, что тоже естественно, в основном предлагаются меры юридического характера. Трудно не согласиться с тем, что реальная, а не декларируемая борьба с ней предполагает достаточно существенные изменения нашего законодательства, а также не только ужесточение, но и *исполнение* соответствующих законов. В то же время регулярно отмечается, что одних лишь законодательных мер для решения этой проблемы явно недостаточно; они должны дополняться другими, *неюридическими мерами*, к разработке и внедрению которых психологи имеют непосредственное отношение.

Прежде всего, постоянно подчеркивается необходимость *воли* – власти, государства и всего нашего общества – к решению этой проблемы, дефицит которой отчетливо наблюдается. Как отмечает Ю.Ю. Болдырев, “проблема не в том, что никто не знает, что делать, а в том, что ни у власти, ни у общества нет главного – воли к решению проблемы” [2, с. 456]. Ее дефицит, конечно, можно списать на обозначенные выше факторы: на то, что с коррупцией борются (или делают вид, что борются) в основном чиновники, значительная часть которых сама коррумпирована; коррупция по-своему удобна власти – она позволяет держать коррумпированных чиновников “на коротком поводке”; у нас пока не сформировано гражданское общество, которое вынуждало бы чиновников делать то, к чему они не мотивирова-

⁸ Одним из наиболее “свежих” опровержений этой идеологии служит то, что в результате повышения ответственности за нарушения ПДД в 2010 г. количество смертей на наших дорогах сократилось с 35 тыс. до 21 тыс. в год.

ны⁹; наши чиновники имеют слишком много разрешительных функций; отсутствует полноценный политический плюрализм и т.п. Подобные факторы действительно имеют огромное значение, что во многом придает проблеме коррупции политический характер.

В то же время важную роль играют обстоятельства, не имеющие прямого отношения к происходящему в чиновничьей среде и во властных структурах, хотя, разумеется, и зависящие от них. Так, совершенно очевидно, что эффективная практика борьбы с коррупцией должна носить *массовый* характер, не сводиться лишь к усилиям властных структур и отдельных чиновников, даже благонамеренных, а вовлекать широкие массы населения и основываться на соответствующих поведенческих практиках. Это предполагает изменение описанного выше толерантного отношения к коррупции как к неизбежному, неискоренимому и не очень значительному злу.

Экономистами, социологами, представителями других социальных наук, а также публицистами доказано, что коррупция – зло *существенное*, разрушающее экономику (несмотря на обсуждавшиеся выше отдельные неоднозначные воздействия на нее) и общество в целом – например, посредством негативного влияния на нравственность, имеющую огромное значение для состояния общества в целом¹⁰ (см.: [15]). Следует подчеркнуть и то, что коррупция, хотя сама по себе и является в глазах многих не слишком опасным и *неагрессивным* преступлением, *лежит в основе* многих страшных преступлений, в т.ч. агрессивных. Известные события на Манежной площади, проникновение террористок на взорванный ими самолет, досрочное освобождение опасных преступников и многое другое имеют в своей основе именно коррупцию. Убедительно продемонстрировано и то, что коррупция *искоренима*, о чем свидетельствуют примеры таких стран, как Сингапур, Малайзия и др., в которых совсем недавно был очень высокий уровень коррупции, но за до-

статочно короткие сроки они добились ощутимых успехов в ее преодолении¹¹.

И то, и другое – разрушительное влияние коррупции на все стороны общественной жизни и возможность ее преодоления – следовало бы сделать основой *образовательных программ*, которые необходимо внедрить в систему образования на ее различных уровнях. В скептически настроенном, прагматичном и достаточно безнравственном обществе преподнесение проблемы коррупции исключительно в нравственной плоскости явно недостаточно, необходимо *обоснование* ее разрушительного влияния на общество и его экономику и, соответственно, *прагматического* смысла борьбы с ней. Соответствующее знание должно войти в учебники и составлять обязательную часть того знания, которым обладают наши сограждане.

Полезной была бы и *массовая пропагандистская кампания* по борьбе с коррупцией с широким вовлечением СМИ и других средств воздействия на массовое сознание, которая с учетом отношения наших сограждан к таким кампаниям, их недоверия к СМИ, тенденции нашей молодежи “все делать наоборот” и т.п. должна быть хорошо продуманной психологически. В этом плане широкие возможности открываются перед социальной рекламой и нашими многочисленными психологами, преуспевшими в ведении пиар-кампаний (к сожалению, иногда не на благо общества).

Эта кампания должна быть направлена не только на изменение отношения к коррупции как таковой: выработку отношения к ней как злу, во-первых, значительному, во-вторых, преодолению – но и на изменение соответствующих поведенческих практик и лежащих в их основе социальных стереотипов.

Существуют две основные формы участия простых граждан, не обремененных властью и не имеющих связей с сильными мира сего, в борьбе с коррупцией. Первая – *пассивная* – состоит в том, чтобы, как призывают некоторые идеологи этой борьбы, “просто не давать взяток”, что теоретически, конечно, возможно, но, как показывает социальная экспликация подобных случаев, позволить себе “просто не давать взятки” могут либо такие фирмы, как “IKEA”, либо достаточно известные и влиятельные люди. У простых же

⁹ Вместе с тем следует упомянуть и отдельные позитивные сдвиги в этом плане, например то, что объединение усилий общественности в Интернете часто вынуждает возбуждать уголовные дела в отношении сильных мира сего и препятствует попыткам “замять” соответствующие случаи.

¹⁰ Существует, естественно, и обратное влияние нравственного состояния общества на уровень коррупции. В частности, установлено, что морально-психологическая атмосфера в обществе серьезно влияет на уровень коррупции [10]. Вообще же следует говорить даже не о взаимовлиянии, а о взаимопроникновении этих явлений: коррупция – это одно из главных проявлений безнравственности.

¹¹ Благодаря этому, в частности, Сингапур занял первое место в мировом рейтинге стран по благоприятности условий для ведения бизнеса, что вызвало впечатляющий приток иностранного капитала, – еще одна убедительная иллюстрация влияния коррупции, в данном случае – снижения ее уровня на экономику.

смертных это плохо получается, и отнюдь не из-за недостатка благих намерений. Вторая форма – *активная* – охватывает жалобы в соответствующие органы на взяточников, а также на живущих явно не по средствам. Причем если первое, хотя и требует незаурядного мужества и обычно делается тогда, когда нет другого выхода (например, чиновник требует у предпринимателя взятку, выходящую за пределы его финансовых возможностей), но получает общественное одобрение, то второе встречает осуждение, квалифицируется как “донос” и грубое вмешательство в чужие дела. Причины известны. Это и ассоциации с мрачными временами всеобщих доносов (поразительно, что за истекшие 60 лет мы так и не научились различать идеологические доносы и сообщения о нарушении закона¹²); и несовершенство наших законов; и отношение к ним как “чужим”, выражающим интересы власти, а не основной части населения¹³; и влияние криминального мира; и нежелание брать на себя ответственность; и недоверие к правоохранительным структурам и т.п. Однако контраст с западными странами поразителен. Бывавшие там хорошо знают, что, если, например, припарковать автомобиль в неположенном месте, то тут же несколько человек сообщат в полицию, которая незамедлительно приедет, а то, что мы называем “доносами”, там воспринимается как исполнение гражданского долга, получает полную поддержку окружающих и всемерно поощряется, в том числе материально. Моральная поддержка соответствующих практик в современной России стала бы не “возвратом в сталинские времена”, за которое их пытаются выдать наши псевдолибералы, а внедрением цивилизованного, европейского (а также американского, японского и др.) правосознания и отношения к законам. Соответствующий опыт тоже следовало бы отразить в наших образовательных программах.

Существенным фактором является также *упрощение технического режима* сообщений о нарушении закона. К примеру, в Финляндии, считающейся самой некоррупционной страной мира [18], в любом учреждении, где посетитель может подвергнуться вымогательству со стороны

чиновника, на самых видных местах обозначены адреса, в т. ч. электронные, и телефоны служб, в которые следует немедленно о нем сообщать, причем делать это можно и анонимно. Не требуется ни писать именные заявления, которых наши сограждане очень боятся, ни терять время в очереди к ответственным за борьбу с коррупцией, ни тратить конверты на почтовую рассылку. Жалобы отправляются в считанные секунды по электронной почте, что чиновники хорошо знают. Разумеется, нажаловаться на них может и просто недоброжелатель, а также желающий сместить того или иного чиновника и занять его место. Но все это, естественно, учитывается правоохранительными органами, которые посылают к подозрительному чиновнику под видом посетителя своего сотрудника лишь тогда, когда количество жалоб наводит на серьезные подозрения о наличии коррупции, так что несправедливо обвиненные не страдают. Зато страдают коррупционеры, причем уголовное наказание сопровождается включением в “черные списки”, находясь в которых, невозможно устроиться ни на одну государственную должность в течение всей оставшейся жизни. А многие китайские чиновники, осужденные за коррупцию, выйдя на свободу, кончают жизнь суицидом, будучи не в силах вынести “потерю лица”, крайне существенную в китайской культуре. Разительный контраст с современной российской реальностью, в частности, с тем, что уличенные в коррупции неплохо устраиваются в дальнейшем в т.ч. и на государственные должности и отнюдь не переживают угрызений совести, выдавая себя за жертв политических репрессий.

Важным направлением участия психологов в борьбе с коррупцией является и *психологический мониторинг* законов антикоррупционной направленности, необходимость которого, что очень отрадно, сейчас признают и юристы. Проблема предварительного мониторинга законопроектов особенно актуальна для нашей страны, очень характерными для которой являются “неработающие”, а то и в принципе не исполнимые законы, вырабатывающие недоверие населения к законам вообще, а также ситуация, когда принимаются нелепые и непопулярные законопроекты, которые отменяются или корректируются после того, как недовольство ими населения выливается в массовые акции протеста (чего нетрудно избежать, если бы законопроекты подвергались *предварительному мониторингу*). При этом у нас по-прежнему доминирует, в том числе и в органах власти, представление о том, что разработка и принятие законов – дело юристов, а обилие в нашем главном законодательном органе спортсменов и шоуменов,

¹² Показателен случай, когда маньяк в течение часа насиловал и убивал девушку на глазах у многоквартирного дома, ни один из жильцов которого так и не позвонил в полицию, – характерное проявление нашей нынешней “культуры недоносительства”.

¹³ Как свидетельствуют социологические исследования, “то, что одни называют законопослушанием, другие – доносом” [8, с. 77], «доносительство у нас не приветствуется ... стучать нельзя, потому что закон – “чужой”» [там же, с. 77] и т. п.

а также так называемое “массовое обсуждение” законопроектов в Интернете, в возможность обратного влияния которого на обсуждаемые проекты мало кто верит, не слишком принципиально изменяют ситуацию. Не учитывается тот принципиальный факт, что законы – это *наиболее общие правила организации социальной жизни*. В их разработке самое активное участие должны принимать представители всех наук, изучающих человека и общество, в том числе психологи, дополняя ее предварительным мониторингом, который тоже должен осуществляться специалистами из разных социальных наук.

Среди психологических проблем коррупции и возможностей психологической науки в их решении следует упомянуть *специальные психологические методы*, среди которых наиболее часто упоминается полиграф. Возможность проверки на нем претендентов на “взяточемкие” должности обсуждается регулярно, а в некоторых регионах по инициативе местной администрации соответствующая практика уже внедряется. Правда, при этом постоянно подчеркивается, что проверки на полиграфе должны осуществляться на добровольной основе, при согласии самих проверяемых, что отчасти выхолащивает смысл самой процедуры. Понятно и то, какие проблемы это порождает. Во-первых, дефицит добровольцев (следует ли отказавшихся пройти проверку на полиграфе вычеркивать из списка претендентов на должность?). Во-вторых, неоднозначность интерпретации показаний полиграфа, свидетельствующих не о лжи, а лишь о наличии физиологического возбуждения при ответе на соответствующие вопросы, которое может быть следствием различных факторов¹⁴. В-третьих, возможность того, что количество прошедших проверку окажется намного меньшим, чем количество вакансий, и неясность, что делать в этом случае (принимать кандидатуры не прошедших проверку?), что тоже выхолащивает смысл процедуры. Но несмотря на подобные сложности использование полиграфа, как и психологических тестов, открывает опре-

деленные перспективы преодоления коррупции, которые нуждаются в проработке.

Обрисованные направления, естественно, не исчерпывают потенциальных возможностей психологической науки и практики в борьбе с коррупцией. Главное же состоит в том, что такие возможности имеются, и психологии надлежит активно включиться в решение этой проблемы, которую трудно не признать одной из главных проблем современной России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреева Г.М. Психология социального познания. М.: Аспект Пресс, 1997.
2. Болдырев Ю.Ю. Коррупция как системный порок российского капитализма // Неэкономические грани экономики: непознанное взаимовлияние / Под ред. О.Т. Богомолова. М.: Институт экономических стратегий, 2010. С. 456–474.
3. Глинкина С.П. Коррупция: фатальная угроза? // Неэкономические грани экономики: непознанное взаимовлияние / Под ред. О.Т. Богомолова. М.: Институт экономических стратегий, 2010. С. 427–455.
4. Гудков Г. Коррупция для России страшнее НАТО! // Комсомольская правда. 2010. 15 января.
5. Дубин Б. Эпоха большинства // Аргументы и факты. 2011. № 45 (1618).
6. Кортунув С.В. Национальная идентичность: постижение смысла. М.: Аспект Пресс, 2009.
7. Любарский Г. Чиновники и госслужащие: когда монету ценят за герб и ругают за решетку // Социальная реальность. 2006. № 1. С. 73–79.
8. Радаев В. Формирование новых российских рынков. М., 1998. С. 161–168.
9. Социально-психологические исследования криминальной деструктивности личности сотрудников правоохранительных органов / Под ред. Д.В. Социвко и Е.Е. Гавриной. Рязань, 2010.
10. Тудоровский Я. В Китае все по плану // Аргументы и факты. 2011. № 46 (1619).
11. Цепляев В. Брат в аппарат // Аргументы и факты. 2011. № 45 (1618).
12. Цепляев В., Пивоварова О. Власть от купюр // Аргументы и факты. 2011. № 44 (1617).
13. Экман П. Психология лжи: обмани меня, если сможешь. СПб.: Питер, 2010.
14. Юревич А.В., Ушаков Д.В. Нравственное состояние современного российского общества // Психология нравственности / Под ред. А.Л. Журавлева, А.В. Юревича. М.: Институт психологии РАН, 2010. С. 177–208.

¹⁴ Один из признанных авторитетов в этой области П. Экман пишет: “хотя отношение к детектору лжи очень противоречивое, все тем не менее сходятся в одном: ложь как таковую он не обнаруживает. Единственное, что он делает, – измеряет интенсивность проявлений возбуждения ВНС, то есть физиологические изменения, происходящие от эмоционального волнения человека” [14, с. 173]. Тем не менее, хотя, например, в 18 штатах США применение ДЛ запрещено, в 30 штатах он применяется, а общее количество его использований в этой стране оценивается как составляющее не менее миллиона в год [там же].

15. Юревич А.В., Ушаков Д.В., Цапенко И.П. Количественная оценка макropsихологического состояния современного российского общества // Психологический журнал. 2007. Т. 28. № 4. С. 23–34.
16. Grossman G., Trempl V.G. Personal incomes in the USSR // The unofficial economy. Consequences and perspectives in different economic systems / Ed. by S. Alessandrini, B. Dallago. Gower, 1987. P. 285–296.
17. Transparency International. URL: http://www.transparency.org/policy_research/surveys_indices/cpi/2010/in_detail#1

PSYCHOLOGICAL FACTORS OF CORRUPTION IN PRESENT-DAY RUSSIA

A. L. Zhuravlev*, A. V. Yurevich**

* *Corresponding Member of RAS, Sc.D. (psychology), professor, Director of Federal state-financed institution, Institute of Psychology RAS, Moscow;*

** *Corresponding Member of RAS, Sc.D. (psychology), Deputy Director, the same place*

Corruption as one of the main problems of the present-day Russia is considered. This problem is shown to have expressed psychological components; it is emphasized that psychological science and practice must participate in its solution. Main tendencies in corruption's study in domestic psychology are indicated. Such practical psychological resources for corruption counteraction as changing of tolerant attitude to corruption in our society, psychological monitoring of draft laws, testing of applicants for "bribe-capacious" positions by means of special psychological methods, etc. are considered.

Key words: corruption, corruption behavior, psychological science and practice, mass consciousness, formal and informal relations, pseudoliberal ideologemes, laws, extralegal steps.